

актуальной, так как показывает переменчивое окружение царя и мало отображена в источниках и современной историографии.

Библиографические ссылки

1. Berve H. Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. I–II. Muenchen, 1926.
2. Jeanne Reames Zimmerman: Hephaisstion Amyntoros: Éminence Grise at the Court of Alexander the Great. Dissertation. The Pennsylvania State University, 1998.
3. Junge P. J. Hazarapatis // Klio. 1940. No 33. S.77–81.
4. Heckel Waldemar: Hephaisstion. In: Ders: The Marshals of Alexander's Empire. Routledge, London 1992.
5. Heckel Waldemar: "Somatophylakia," 279–94; and on Hephaisstion in particular, see p. 287–288.
6. Palagia O. Hephaisstion's Pyre and the Royal Hunt of Alexander // Alexander the Great in Fact and Fiction. Oxford 2006. P. 37–84.
7. Schachermeyer F. Alexander der Grosse. Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens. Wien, 1973.
8. Tarn W. W. Alexander the Great. Vol. I–II. Cambridge, 1948.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ЦАРЬ И АРМИЯ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

И. Ю. Воробьев

Ярославль, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, prozaivana@mail.ru

Статья посвящена проблеме идеологического обоснования власти эллинистического царя над собственным войском, преимущественно на примере династии Селевкидов. Уделено внимание пропагандистским сюжетам, созданным царскими идеологами, а также культовому почитанию правителя, имевшему широкий отклик в армии, – как среди военачальников, так и среди рядовых воинов. Автор аргументирует вывод о том, что фигура царя была центральной и доминирующей во взаимоотношениях с войском. В свою очередь, образ армии в литературных и эпиграфических источниках был семантически разнообразным, что обуславливалось конкретной политической ситуацией.

Ключевые слова: эллинистический царь; эллинистическая армия; Антиох; Селевк; Лисимах; Ахей; царский культ.

The article is devoted to the problem of ideological justification of the power of the Hellenistic king over his own army, mainly on the example of the Seleucid dynasty. Attention is paid to propaganda plots created by royal ideologists, as well as to the ruler cult, which had a wide response in the army, both among military leaders and among ordinary soldiers. The author argues the conclusion that the king's figure was central and dominant in relations with the army. In turn, the image of the army in literary and epigraphic sources was semantically diverse, which was determined by the specific political situation.

Keywords: hellenistic king; hellenistic army; Antiochus; Seleucus; Lysimachus; Achaicus; ruler cult.

Тема взаимоотношений царя и его армии была и остается важным вопросом в изучении эллинистической государственности, ядром института монархии в которой некоторыми исследователями считается правитель, его друзья и армия [1, с. 462]. Если экономический и политический аспекты взаимоотношений в той или иной степени уже изучались, то значительно меньше внимание получила их идеологическая составляющая.

Взаимосвязь эллинистического монарха и армии иногда в историографии характеризуется следующим тезисом: войско – это центральный орган эллинистического царства, который высасывает все ресурсы; такие государства создавались армией и в ее интересах [8, с. 63]. Обоюдная же политическая и экономическая зависимость царя и его войска [11, с. 113] была основой для создания пропагандистских сюжетов. Рассмотрим некоторые характерные свидетельства источников.

Диодор повествует о том, что, когда армия Лисимаха находилась в тяжелом положении (Diod. XI.12.1), приближенные диадоха предлагали ему спастись бегством, на что он ответил, что несправедливо оставлять армию и друзей ради собственного спасения. Мы видим, что декларируется тесная связь царя и его войска, которая со стороны правителя не должна и не будет нарушаться. Практически это звучит как ответ на неоднократные случаи перехода войска на сторону противника – явление столь характерное для эпохи эллинизма.

Об этом явлении повествует стратегема Полиэна, посвященная другому диадоху – Селевку (Polyaen. IV.9.3). Воспользовавшись ситуацией, он обращается к воинам Деметрия Полиоркета: порицает их за связь с «голодным предводителем разбойников». Они могут служить ему – богатому царю, тем самым, стать подданными истинного царства. Многие из воинов Деметрия бросают оружие и присоединяются к Селевку. Этот эпизод интересен тем, что тяжелое положение воинов чужой армии поправляет царь своими действиями. Селевк выступает в качестве «спасителя» судеб этих воинов, а потому они выражают радость и приветственно машут руками. У Лукиана, описавшего победу Антиоха I над галатами (Luc. *Zeux*.11), воины поют пеан и провозглашают царя «каллиником». Особенно важно, что чествование победоносного полководца сопровождается исполнением религиозного обряда – пеана, столь характерного для культа Аполлона, который несколькими годами ранее «явился» в Дельфах и «спас» Грецию от галатов. Следовательно, ритуал наделения эпиклесой «Сотер» (Σωτήρ) [4, с. 117] можно расценивать и как оказание высочайшей почести (поскольку к тому времени пеан неоднократно исполняли в честь царей), и как признание эпифании бога в царе, что «явился» в ходе битвы. Воины благодарят за победу над врагом только своего царя. Это личная победа [1, с. 458] Антиоха, и его армия здесь присутствует лишь как декорация или как восторженные зрители. Также значимым эпизодом является история Полибия об Ахее и его войске. Армия, ранее провозгласившая Ахея царем, отказывается идти войной против Антиоха III, который властвует по «природе» (Polyb. V.57.6). Здесь воины (в отличие от воинов Деметрия) изначально проявляют политическую осведомленность и отказываются поддержать свержение царя. Эти настроения незамедлительно меняют план Ахея, ведь как писал ранее Полибий, вид законного правителя вселяет в его воинов уверенность и заставляет сторонников узурпаторов переходить на сторону истинного царя (Polyb. V.52.9). Армия провозгласила Ахея правителем только Малой Азии и не признала его притязания на сирийские владения Антиоха [5, с. 50].

Мы видим, что в литературных источниках отмечена лидирующая и даже доминирующая роль монарха в его отношениях с армией: воинам свойственна реакция на события, а не осуществление собственных замыслов. В этих взаимоотношениях царь – ориентир в трудных ситуациях, он своими действиями может спасти или наставить на путь истинный, или просто своим существованием указывать на него. Порой армия лишь одобряет решение царя, который нуждался только в формальной процедуре (App. *Syr*. 61). Войско, традиционно не интересующееся политическими вопросами [1, с. 463], предстает в литературных источниках в ином свете, – в этом можно усматривать влияние деятельности царских пропагандистов.

Армия также демонстрирует мощь царя в торжественных процессиях и одновременно символизирует часть мира подвластного правителю [2, с. 42]. Воины могли быть не только непосредственными участниками шествий (Athen. V.35), но и частью «толпы» (HGV P. Petr. 3 74 (a). 2. сткк. 23–25) или организаторами церемоний (Polyb. XV.26.7). Тесная сакральная связь армии со своим монархом могла проявляться и в тексте клятвы, где среди божеств могла упоминаться и «тюхе» царя (Smurna 14. сткк. 61), где *τύχη* переводят как «фортуна» [6, с. 92] или «счастье» [7, с. 389] порой со значением римского «гения» [6, с. 239]. Особая связь между царем и его армией проявляется и в текстах постановлений полисов. Так, в надписи из Илиона неоднократно подчеркивается близость царя, его друзей и войска. Здесь армия – один из основных инструментов и одна из причин успеха предприятий Антиоха I по восстановлению мира и порядка (OGIS 219. сткк. 8–10). Также армия является адресатом пожеланий здоровья, наряду с царской семьей и его друзьями. В надписи из Иасоса Антиох III оставляет гарнизон, что воспринимается как действенный способ для сохранения «демократии и автономии» (Iasos 4. сткк. 47–51). В обоих случаях войско является не гарантом полисных свобод, а лишь инструментом их поддержания. Именно царь выступает в качестве гаранта [9, с. 181].

Одной из важнейших составляющих взаимоотношений царя и воинов является культовое почитание правителя. В самом культе исследователи видят идеологическое обоснование царской власти [10, с. 229]. Мы усматриваем в нем, в частности, обоснование высших командных функций в армии. До нас дошло немало посвящений за здоровье царя или самому царю. Часть из них сделана самими воинами (порой совместно с военачальниками) (I. Kition 2003; SEG 26.1728; Fayoum 1:83; OGIS 114; Fayoum 3:151; Milne, Cairo Mus. 25, 9296; SB 3:6184; Philae 11). Часть приходится на офицерский состав (SEG 19:904; IG XII, 3 464; SEG 39:1334; IG XII, 6 2:588; IK Estremo oriente 427/147; Fayoum 2:107; Fayoum 2:108; OGIS 86; Bernand, Mus. du

Louvre 13; Fayoum 3:197; OGIS 132; SB 1:1436; SEG 2:871; Pan du désert 70; Pan du désert 86; Prose sur pierre 35; Salamine XIII. 71), который старался выказать лояльность монарху и его семье и одновременно распространял царскую идеологию в самих высших кругах [3, с. 10]. И воины, и военачальники могли быть в составе культового сообщества базилистов (βασιλισταί) (OGIS 130; IG XII, 3 443). Военные поселенцы могли указывать на старательное отправление ими культа царя, его семьи и предков, чтобы монарх способствовал разрешению проблем своих подданных (Fayoum 2:135, сткк. 11–17). Отношения царя и его армии строились на доверии и взаимности [12, с. 111], которые можно было выразить благодарностью царю через культовые посвящения. Посвятительные надписи следует рассматривать не только как просьбы богам о помощи монарху и сохранении его здоровья, но и как фиксации посреднической функции царя между смертными и богами [10, с. 233]. Это могло способствовать благорасположению как царя, так и самих божеств.

Литературные свидетельства содержат примеры конкретных ситуаций, сложившихся вокруг фигуры того или иного царя. А потому затруднительно экстраполировать эти анекдоты на взаимоотношения всех правителей с их воинами на весь эллинистический период. Однако мы можем зафиксировать устойчивую связь монарха и его войска. И ярким показателем этой связи является культовое почитание правителей в эллинистических армиях. Необходимость в том, чтобы армия признавала господство монарха и беспрекословно ему подчинялась, определяла одно из направлений пропагандистской деятельности царских идеологов. И результат этой деятельности отразился в литературных источниках: армия занимает в их описании, безусловно, подчиненное положение в двусторонних отношениях с царем. Однако это положение имеет различные семантические аспекты: войско – это и свидетель истинного величия своего правителя, и благодарный зритель, и идеологический рупор в политических вопросах.

Библиографические ссылки

1. Austin M.M. Hellenistic Kings, War, and the Economy // The Classical Quarterly. 1986. Vol. 36 №2. P. 450–466.
2. Erskine A. Hellenistic Parades and Roman Triumphs // Rituals of Triumph in the Mediterranean World. 2013. P. 37–55.
3. Meadows A. Two ‘Double’ Dedications at Ephesus and the Beginning of Ptolemaic Control of Ionia // Gephyra. 2013. Vol. 10. P. 1–12.
4. Mittag P.F. Blood and Money: on the Loyalty of the Seleucid Army // Electrum. 2008. Vol. 14. P. 47–56.
5. Strootman R. Kings against Celts Deliverance from barbarians as a theme in Hellenistic royal propaganda // The manipulative mode. Political propaganda in antiquity: a collection of case studies. 2005. P.101–141.
6. Бикерман Е. Государство Селевкидов. М., 1985.
7. «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. М.; СПб. : Изд-во РХГА, 2016.
8. Война и античное общество. М., 2004.
9. Грушевой А. Г. Два почетных декрета в честь Антиоха I (280–261 гг. до н.э.) (OGIS, 219, 222) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2014. № 14. С. 171–184.
10. Ротермель Л. Р. Идеология эллинистической монархии в исследованиях немецких историков (середина – вторая половина XX в.) // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. 2014. С. 213–239.
11. Смирнов С. В. Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М. 2013.
12. Ханиотис А. Война в эллинистическом мире. Социальная и культурная история. СПб., 2013.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ГИПАТИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРИИ КОНЦА IV – НАЧАЛА V В. Н.Э.

И. В. Зайцева

Белгород, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, zajcevil@mail.ru

Автор утверждает, что общественно-политическую деятельность Гипатии можно разделить на две области: первая была связана с предоставлением защиты ученикам-аристократам, которые приходили к Гипатии под руководством ее бывших учеников, друзей или других лиц; вторая заключалась в выстраивании отношений с высшим руководством с целью поддержания статуса своей школы и сохранения в ней авторитета неоплатонической традиции.

Ключевые слова: Гипатия Александрийская; неоплатоническая традиция; Александрия.